

K-39

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ	XXXIX	XXII	Scii
Полка	2	6	2
№	12	17	20

+

к-30

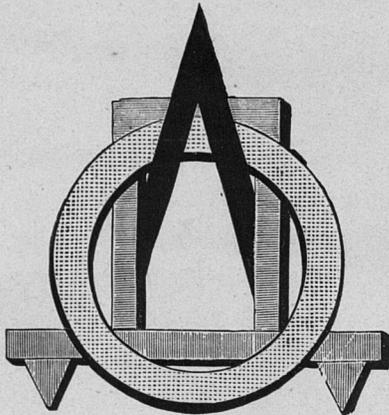
ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

ЗНАЧЕНІЕ
НЕИЗДАННАГО ДУБРОВНИЦКАГО ПОЭТА
АНТОНА ГЛЕГЕВИЧА.

ДУБРОВНИЦКІЕ ОТГОЛОСКИ

0

ПЕТРЪ I ВЕЛИКОМЪ

Сообщеніе В. В. КАЧАНОВСКАГО

Читано въ засѣданіи Общества Любителей Древней Письменности 28 Августа 1881 года

Сен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

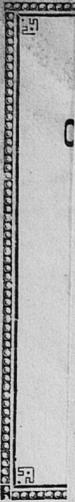
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Добродѣва, Троицкій пер., 32
1881

БИБЛИОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ

Handwritten signature or initials.

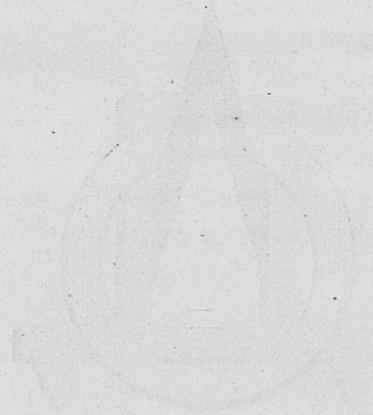
3449

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

LIBRARY

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Милостивые государи!

Въ славянскихъ литературахъ дубровницкая занимаетъ довольно видное мѣсто. Но къ сожалѣнію до сего времени мы не имѣемъ ни одного сноснаго очерка ея исторіи; отъ всего написаннаго о ней вѣтъ поверхностью, извѣстнаго рода пристрастіемъ; до сего времени еще немало памятниковъ этой литературы покоится въ пыли на полкахъ библіотекъ въ Дубровникѣ и Загребѣ.

Находясь въ Дубровникѣ, я случайнымъ образомъ натолкнулся на одного самаго лучшаго дубровницкаго поэта *Антоня Глегевича* и, понятно, счелъ нужнымъ списать его труды, для обнародованія любителямъ славянской письменности и литературы, которые въ лицѣ «Общества любителей древней письменности» имѣютъ достойное представительство. Я имѣю честь обратить благосклонное вниманіе Общества на мое изслѣдованіе объ этомъ поэтѣ, суть коего постараюсь изложить въ самомъ сжатомъ очеркѣ.

Антонъ Глегевичъ, поэтъ конца XVII и начала XVIII в., останавливаетъ на себѣ вниманіе изслѣдователя славянскихъ литературъ какъ поэтъ, которому дубровницкая литература обязана дальнѣйшимъ развитіемъ своей драмы. Ученикъ предшествовавшихъ ему поэтовъ— дубровницкихъ: *Ивана Гундулича*, *Юнія Пальмотича* и *Шиска (Сигизмунда) Гундулича*, и итальянскихъ: *Людовика Аріоста* и *Петрарки*, онъ дѣлаетъ шагъ впередъ въ развитіи дубровницкой драмы, которое идетъ въ параллель съ развитіемъ драмы у итальянцевъ въ лицѣ

Апостола Зена (1668—1750), *Сципіона Маффеи* (1675—1755) и *Петра Метастазіо* (1698—1782).

А. Глеговичу пришлось жить сначала въ ту эпоху, когда ему современная литературная Италия раздѣлилась на два лагеря: одинъ предпочиталъ стиль и вкусъ Cavalier Marino стилю и вкусу Петрарки, другой предпочиталъ стиль и вкусъ послѣдняго первому. Первый лагерь преобладалъ: извѣстный современникъ А. Глеговича, итальянскій историкъ Людовикъ-Антонъ Муратори могъ насчитать въ цѣломъ XVII столѣтіи лишь нѣсколько поэтовъ, державшихся стиля и вкуса Петрарки, какъ напр.: *Гавріиль Кьябрера* (1552—1637), подражавшій греческимъ лирикамъ и въ особенности Пиндару, графъ *Фульвіо Тести* (1593—1646), подражавшій Горацию и латинскимъ лирикамъ, сенаторъ *Винченцо Филликая* (1642—1707), *Карль-Марія Маджи* († 1699) и нѣсколько другихъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, съ 1675 года, въ итальянской литературѣ усиливается развитіе критики, которое въ концѣ концовъ одержало побѣду надъ школою дурнаго литературнаго вкуса *маринистовъ*. Въ этотъ же періодъ сдѣлала значительный шагъ впередъ итальянская драма: драма «Мегоре» Сципіона Маффеи признана всѣми достойною театровъ итальянскаго, французскаго и англійскаго. Естественно, это должно было отозваться на чуткомъ ко всему итальянскому Дубровникѣ, который и далъ трехъ поэтовъ, работавшихъ въ духѣ потребностей современнаго имъ вѣка: Шиска Ивана Гундулича, Ивана-Шиска Гундулича и наконецъ Антона Марина Глеговича, который заканчиваетъ собою дубровницкую драму.

Живя въ пору борьбы двухъ литературныхъ направленій въ Италиі, А. Глеговичъ подчинялся вліянію обоихъ. Подъ вліяніемъ *маринистовъ* А. Глеговичъ, нисколько не стѣсняясь, въ своихъ драмахъ первой половины своей литературной дѣятельности влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, нескромныя рѣчи. Правда, эти рѣчи не лишены реального отношенія къ совре-

менному ему дубровницкому обществу, но можно было бы высказать то же самое в другой формѣ, болѣе скромной и болѣе назидательной, чѣмъ какую онъ принялъ, вслѣдствіе господствовавшего въ Италіи вкуса маринистовъ.

При извѣстной наклонности къ этому направленію въ первый періодъ своего развитія, А. Глегевичь въ тоже время не отказался отъ вкуса Петрарки, или вѣрнѣе будетъ — предпочелъ его во второй періодъ своего развитія: его можно считать послѣдователемъ Петрарки.

Кромѣ того, современная А. Глегевичу Италія страдала анахронизмомъ — (псевдоклассической) академіей «Arcadia», программой коей было воссозданіе въ Италіи всего классическаго (греческаго) міра съ его понятіями, нравами и образомъ жизни, и тѣмъ удалить дурной вкусъ, внесенный въ литературу маринистами. И эта болѣзнь Италіи отозвалась на А. Глегевичь и его предшественникахъ, хотя, правда, не въ особенно сильной степени.

Большую заслугу дубровницкой драмѣ оказалъ А. Глегевичь со стороны возвышенія внутренняго ея достоинства. Правда, онъ не достигъ здѣсь полнаго совершенства; но важно уже одно его стремленіе: онъ старался дать въ своей драмѣ *преимущество дѣйствію передъ діалогомъ*; къ чему также стремился и Шишко Гундуличъ въ своей драмѣ «Сунчаница». Драма же тогда и бываетъ интересною, когда сюжетъ ся развивается въ *дѣйствіи*, а не излагается въ утомительномъ *діалогѣ* одного лица, которое замѣняетъ собою лицо дѣйствующее и дѣйствіе послѣдняго. Только въ такой драмѣ, гдѣ сюжетъ развивается въ *дѣйствіи*, могутъ быть выражены характеры. Ничего подобнаго нѣтъ въ драмахъ предшественниковъ Глегевича — Юнія Пальмотича и Ивана Гундулича. Совсѣмъ не то видимъ въ драмахъ нашего поэта.

Полныя доказательства всего вышесказаннаго можно найти въ подробномъ разборѣ драмъ изслѣдуемаго поэта, привести которыя въ данномъ случаѣ не дозволяетъ рамка реферата.

Здѣсь я только считаю нужнымъ привести установленный мною хронологическій перечень его произведеній, это:

1. Ermiona,
2. Damira,
3. Olimpia osvieciena,
4. Anton Ghleghievich G. Niku Giorgi,
5. U smart Vlaha Stelle, 1696 god.
6. Kasce, da je gliuski scivot kratak, da ie niscto sve,
7. Priciza od tikve i bora,
8. Selimir i Radmio,
9. Glasa pobjedovanje,
10. Porodjenje Gospodinovo,
11. Zorislava и
12. Belizario.

Да затѣмъ сдѣлаю образчикъ обрисовки характера у Глеговича. Беру характеръ Дамиры, героини драмы того же имени.

Оскорбленная Дамира обречена ея вѣроломнымъ и жестокимъ мужемъ на смерть, въ которой она нашла бы конецъ своему страданію; но судьба спасла ее и продолжила ея мучительное страданіе. Очутившись среди убогой хижины вмѣсто роскошнаго дворца, она, вспоминая свое прошлое, съ грустью произноситъ слѣдующія слова:

«Cestita sam ja kragliza
 U bogastvu svakom bila;
 Sad priprosta pastieriza
 Ubostvo sam prigarlila (etc.)
 Gdi je liepo bitie moje?
 Gdi su moje casti i slave?
 Sad mi uscivat sudieno ie
 Pustosc ove od dubrave».

(Dam., I, 1)

Коснувшись затѣмъ того, что ея мужъ Креонтъ обрекъ ее на смерть, она, спасенная судьбою, съ нѣкоторою гордостью такъ заключаетъ свой монологъ:

«Proch vogli chiu tvoiscivieti!
Nu Damira ne kragliza,
Negh Fidalba sa suegh mrieti,
Potisctena pastiriza».

(ib.)

Уже этими словами она показала свое намѣреніе не дать себя въ полную обиду: «Живу я, ты не можешь вполнѣ насладиться твоею возлюбленною, не можешь сдѣлать ее законной женой!» ¹⁾

Находясь въ убогой хижинѣ крестьянина Силлы, она знала, что находится въ державѣ своей и своего оставившаго ее мужа, и потому въ крайнемъ случаѣ готова была обнаружить свое существованіе. Такою мыслию жила Дамира. Выполненію ея намѣренія не замедлилъ представиться случай. Мужъ ея, Креонтъ, въ одинъ прекрасный день забрелъ въ ту же хижину, гдѣ и она пребывала, и за радушный его пріемъ хозяевами выразилъ свое монаршее желаніе видѣть ихъ, вмѣстѣ съ ихъ дочерью (т.-е. Дамирою-Фидальбою) въ своемъ дворцѣ. Прибытіе ихъ совпало съ приготовленіемъ Креонта къ вѣнчанію своей блудницы Филлиды королевою. Пришедшая во дворецъ подъ именемъ Фидальбы Дамира, естественно, должна была возгорѣть местию къ своему измѣннику и нарушителю закона Креонту и своей соперницѣ; она горитъ местию, но, однако, не воплощеніе мести: среди тяжелаго страданія она готова помириться съ своей судьбой; при приближеніи къ

¹⁾ А. Глеговичъ указалъ на египетскій законъ, который не дозволяетъ имѣть двухъ женъ:

«Ustavi se i na stranu
Uklonise bes osira,
Ne, ne kraglju, negh slotvore!
Od Egipta sakon ki je,
Da darscati smije i more
Iedan cioviek scene dvije?

(Dam. II 8).

Говоритъ Дамира Креонту.

королевскому дворцу, еще не зная о послѣднемъ намѣреніи своего мужа, она, между прочимъ, говоритъ:

«Jaoh, ovo ie dvor cestiti:
Gdi kraglievske imah srechie,
Sad chie miesto placno biti
Moga vaia, moie smechie;
Slava i dika moia gdi ie?
Fillide ie bludna otima!
Niie drugo, — trieba mi ie
Poklonit se udesima:
Scto pristoglie kraglievsko ie?
Dar od srechie — drugo nije;
S' privratami vasda stoie
Kolak gniega poghibije.
Tko ie vechie varh visine,
Tko se u vechioi vidi vlasti,
Vele nisce sred dubine
Svegh se nada, da chie pasti».

(Dam. I, 15)

Она готова допустить свое страданіе, но не оставитъ свою честь и силу закона:

«Ah, prihude moie cesti!
Scto mi ie silla podnositi?
Cini scto hoch, nech smesti:
Ia chiu ista vasda biti».

(Ib. I, 16)

Но, вотъ, проводникъ ея въ королевскихъ залахъ Нерилло указываетъ картину, представляющую ея смерть въ волнахъ рѣки Нила; видъ этотъ раздражаетъ ее и она съ гнѣвомъ говоритъ про себя:

«Ah, slotvora huda i prika!
Ier ie moiu smart scelio,
Da me proscdre plaha rika».

(II, 5)

и затѣмъ прибавляетъ: напрасно!

(Lasno se ie prevario!)

(Ib.).

Затѣмъ, тотъ же Нерилло извѣщаетъ ее, что онъ (Нерилло) всегда съ печалью вспоминаетъ о своей королевѣ (Дамирѣ), между тѣмъ какъ самъ король

Gnie smart igda ne spomene,
Negh veseo dni boravi
Kod Fillide sve gliubiene:
Jer stravien, s' gnie umira;
Segai dana stavno odluci
Us veseglie liepa pira
Da s' gnie desnom svoiu sluci».

(Dam. II, 5)

Вѣсть эта такъ взволновала ее, что она немедленно потребовала отвести ее къ самому королю для открытія нѣкихъ особенно важныхъ дѣлъ. Является она къ Креонту—и что же видитъ? Ея мужъ Креонтъ объясняется въ любви блудницѣ и беретъ ее (законную жену) въ свидѣтели своего общанія:

«Sviedok ona ¹⁾, ma gliubiena,
Bitchie moie liepe cesti».

(II, 8)

Это положительно ставитъ Дамиру на путь мщенія:

(Negh) pakgliena bitchiu siena
Sa veseglie tvoie smesti
Bogh gliuveni
. sarze tve sparscio,
Da osvetit bude mene».

(Ibid.)

¹⁾ Т.-е. Дамира.

ПАМ. ДРЕВН. ПИСЬМ. XIII.

Дамира находится подъ вліяніемъ мести, но еще на степені умѣренной. Съ развитіемъ сюжета возрастаетъ и ея месть: когда Креонтъ готовъ уже дать свою руку Филлидѣ, какъ залогъ супружеской связи, Дамира принимаетъ грозный видъ:

«Ustavi se i na stranu
Ukloni se bes osira,
Ne, ne kragliu, negh slotvore!
Od Egipta sakon ki ie,
Da darscati smiie i more
Jedan cioviek scene dviie

(II, 8)

Когда это не останавливаетъ ихъ, она еще съ большей энергіей произносить:

«Ustavtese, scto cinite? (etc.)
Ako bude tva Vedrina
S' gniom desniza sadrusciti
Trieskovi chie s'gar visina
Svi se na te oboriti.

(Ibid.)

и наконецъ объявляетъ, что Дамира жива. Ее заподозрѣваютъ въ умопомѣшательствѣ; а она, покаместъ, можетъ имъ отвѣтить лишь слѣдующее:

Nu se smiat meni boglie,
Kad me sada ne sluscate;
Smiachiu se ia do voglie,
A vij pod smeh moi igrate.

(Ibid.)

Она говоритъ все это подъ вліяніемъ силы закона, мести къ соперницѣ и своей любви къ Креонту. Но затѣмъ ея любовь къ своему мужу беретъ перевѣсъ, она страдаетъ любовью къ нему:

Plemeniti moj pokoiu!
 Dragħ scivotu, sceglio moia!
 Kad chiu uscivat liepos tvoiu
 Sred rasbluda, sred pokoia?
 Ko Teseo mosc veseo
 Sam bes mene bit varh Nila;
 Bes tebe chiu, jaoh, umrieti!
 Ne mori me, vech, ne mori!

(Dam. II, 14)

Она уже не может желать ему зла; но своей соперницѣ она рѣшается во что-бы то ни стало отомстить:

Damira, osvietise!
 Gdi hrabrena tva su diela?
 Od bludnize osvietise,
 Ka ti kraglia ies otiela!
 Tvoia sargba pravedna ie!
 Scto odluci, nemoi sknieti:
 Sliedi, sliedi gnie stupaie,
 Da ioi budesc smart donieti;
 Ne sa drugo sahraniena
 Uredbenoi bih po vlasti,
 Negh bludniza neka strena
 Prid me noghe bude pasti;
 Ona bludnom svom lieposti
 Poras donie momu bichiu;
 Sa gnie plame me scialosti
 Sred gnie karvi utopichiu;
 Kad se ne bih osvetila
 Od gnie svakom po raslogu,
 Podpuno bih ia sabila,
 Tko sam bila, tko bit mogu?!>

(Dam., II, 13)

Правота ея дѣла настолько увѣряетъ ее въ достиженіи ею своей цѣли, что она смѣхомъ проводитъ неудавшуюся связь Филлиды съ ея мужемъ Креонтомъ:

*

Ha, ha, ha, ha, smieh ovaki
 Sad vij oba naucite;
 Ha, ha, ha, ha, smi se svaki;
 Illi od mene vech biescite.

(Dam. II, 14)

Подобный смѣхъ ея вполне естественъ: такъ какъ она уже была близко окончательнаго рѣшенія расправиться съ своей соперницей разъ на всегда; среди раздумья, она случайно подходитъ къ кинжалу:

Onijeh srechia vechie krati,
 Kij bes sviesti dni berave,
 Ciuva, brani, sliedi i prati
 I siglie im ciasti i slave;
 Nu me sarze i odluke
 Sa skarsciti uprav vechie
 Svak cas tesce is sve ruke
 Na me dascdi trudi i smechie;
 Nu varh sarza tuscna moga,
 Sa satart ga uprav vechie,
 Svak cas krila is svoga
 Dascdi vaie, trude i smechie;
 Moij usdasi, moi zvil gliuti,
 Moia boles neisrecena,
 Iosc na milos, jaoh, ganuti
 Nemogu ia, er ie scena;
 Saman s'mnogom mom bolesti
 Hinim, da svies ma sahodi;
 Ona onoga tece sresti,
 Bes sviesti se koj rod:
 Sa bit srechian, potrebno ie
 Nesviesnu se poroditi;
 Ier s' mudriem gnoi trudno ie
 I obchiti i drusciti.
 Nu, scto se ovo meni kasce?
 Guosdie! koie smarti prieti!
 Niesam mogla stvari drasce
 Ni sceglieti, ni vidieti:

Guosdie drago, guosdie milo!
 Nebeska ie koia sila,
 Da Fillidi proghiem krilo,
 Me stupaie na te isnila?
 O nesviesti, poghi od mene!
 A vij sargbe oghnenite
 Moie sceglie uvrediene
 Na osvete probudite!
 Sarze u plam se moie stvorij
 I odsvud sargbom sdrasceno ie,
 Da bludnizu hudu oborij.
 Stvorij u plam se sarze moie!

(Dam. III, 9).

Вооружившись кинжаломъ, она идетъ дальше и находитъ
 переодѣтаго въ платье Филлиды Ниграна и готова убить его;
 но въ ту самую минуту является Креонтъ и удерживаетъ
 ее. Дамира очутилась въ опасности пострадать отъ гнѣва
 оставившаго ее мужа, и, желая помочь самой себѣ въ эту
 опасную минуту, открываетъ свою личность и вступаетъ въ
 трагическій моментъ; съ кинжаломъ въ рукѣ она говоритъ
 гнѣвному мужу:

«Ako marsisc iosc na mene,
 Ako slika ma te smeta,
 Zichia iedne bludne scene,
 Ti sam svarsci moia lieta!
 Evo t' ovo guosdia istoga,
 S' kim bludnizu ktieh start priku!
 S' gnim sred sarza smarsi ovoga
 Moiu gliubav — tvoiu sliku!
 U ghgnivu se sad rasgori,
 Da ti ruka iakos stece:
 Scto, uech, karsmasc? iaoh, otvori
 Put moi dusci; neka utece!

(Dam. III, 16).

Это такъ подѣйствовало на Креонта, что онъ немедленно возвращаетъ Дамиръ свою любовь.

Поклонникъ итальянской литературы и итальянскаго направления въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, А. Глегевичъ съ теченіемъ времени во вторую половину своей литературной дѣятельности принимаетъ славянское направленіе, является истолкователемъ и защитникомъ славянскихъ интересовъ. Въ драмѣ «Zorislava», онъ выставилъ на видъ необходимость объединенія славянъ Босніи, Герцеговины и Далмаціи подъ одною властью; въ неоконченной драмѣ «Belizario» онъ имѣлъ въ виду представить своимъ согражданамъ, какую великую услугу въ дѣлѣ изгнанія готовы изъ Италіи оказали славяне той Италіи, отъ которой они (дубровничане) заимствовали всю свою культуру. И наконецъ, въ «Побѣдномъ голосѣ» (Glasa pobjedovanje), по формѣ напоминающемъ «Il trionfo della fama» итальянскаго поэта Петрарки, онъ вопреки Петраркѣ, причислившему въ своемъ «Il trionfo della fama» славянскихъ героевъ къ римскимъ или греческимъ, съ гордостію возвращаетъ ихъ въ лоно славянское.

Въ этой перемѣнѣ направленія Глегевича нельзя неусматривать отголоска современнаго ему политическаго положенія славянскаго міра.

Дѣятельность русскаго преобразователя Петра I Великаго, посѣщеніе имъ западной Европы, приглашеніе имъ въ старую Русь людей знающихъ, въ числѣ коихъ бывали дубровничане и другіе южные славяне, удачныя войны его съ шведами и турками, доставившія великому русскому преобразователю славу въ цѣлой Европѣ, разъяснили дубровницкому правительству положеніе славянства и подали надежду на улучшеніе быта падающаго подъ гнетомъ ислама и венеціанской республики славянскаго народа. Дубровничанамъ могъ быть извѣстенъ и планъ русскаго преобразователя относительно переустройства тогдашняго славянства, Состоявшій на русско-

службъ сербъ Михаилъ Милорадовичъ, по волѣ Петра I Великаго, написалъ захолмскому (герцеговинскому) митрополиту Савватию, имѣвшему свою резиденцію въ городѣ Требинѣ (отстоящемъ отъ города Дубровника на пять часовъ ходьбы, особо посланіе, въ которомъ совѣтуетъ ему поднять возстаніе противъ турокъ; за что въ награду обѣщаетъ, именемъ Петра I, возвратитъ ему дома и магазины въ Требинѣ и дома въ селѣ Придворцахъ, занятые туркомъ Мустафъ-агою Чатовичемъ. Приводимъ здѣсь это посланіе теперь впервые издаваемое:

Божією Милостією Благочестивейшаго Самодръжавнейшаго вѣликаго Господара нашего Цара и пръвейшаго христіанска же Императора и монархи россискаго и прочимъ и прочимъ и прочимъ повелителя и вѣликаго княза Петра Алезіевича

Пресветлаго Его Царскаго вѣличанствія вѣдгователни посланикъ Азь Михаилъ Милорадовичъ вѣлики пльковникъ отъ Его Царскаго пресветлаго величавствія христіанскихъ войскъ.

Понеже ва знаніе творѣ ва нинашна и потлешнаа времена всакомѣ благочестивомѣ господарѣ и владателю и прочимъ въ семѣ иже вѣдѣтъ владати и господствовать въ земли сръвсцей и восанскои и въ захлмскихъ странахъ. Како отъ пресветлаго Его Царскаго вѣличавствія мѣ послани есми въ здешніе страни захлмскіе и въ васѣ херцеговинѣ и арбанію къ благочестивимъ христіаномъ, еже живит имъ Царскаго вѣличавствія благоизволеніе и намереніе и еже вѣзвѣднати къ шпльченію противъ врага Креста Христова. Темже аще прещедри господь дасть и победило враги наше и сѣпостате и въ своводѣ придѣтъ племена христіанскаа съ всакимъ вѣтвержденіемъ и своерѣчнимъ и печатнимъ подписомъ пожалю и вдарѣмо прешвѣщенномѣ митрополитѣ захлмскомѣ, котори иесть ѿ монастыра Требинѣа къ Саватию и его таникѣ и свѣтникѣ езархѣ Стефанѣ ермонахѣ такожде постриженикѣ и жителю монастыра на реце требинскои, иже есть вѣспеніе прѣстїе вогородице надаемо и утврѣждѣмо имъ, тако црѣковнимъ пастиремъ въ градѣ у требинѣа кѣе и двѣане тѣвчина

мѣстафаге ѣатовиѣа, такоѣер и въ селѣ придворцим кѣѣе истога реченаго тѣрчина ѣатовиѣа и млинѣ и вацинѣ и винограде све и ливаде и сва его добра, що є имаѣи и дрежаѣи ѣтребиню и ѣ прочих странахъ все даємо митрополитѣи і его ієзархѣи Стефанѣи, котори єсть достоннѣи и болша помилованіа, понеже вѣлю верѣи и слѣжѣи къ Его Царскомѣи пресветломѣи нинѣ приказаль єсть. Паки же глаголемѣи, аще щѣи митрополитѣи скоро доидеть сѣмрть речене кѣѣе и землѣи все да вѣдѣи под монастырь ѣспенски нарицаєми тревинѣе за часть щѣи архимандритѣи. Темже молю и глаголю, како да никтоже не имать прекловити ¹⁾ сих ѣаших грамотахъ ни въ сѣи ни въ последне времѣи. Писахмо сѣиу грамотѣи въ всакоє ѣтврѣженієи и вадаємо є Стефанѣи ієр любивратитѣи ѣ мѣта христа бога нашего ꙗѣѣаі мѣта іюніа въ г.

Глѣга Его Царскаго величанства
ѣ Михаилѣи Милорадовиѣи
велики полковникѣи.

(по рукописи, хранящейся въ герцеговинскомъ монастырѣ, называемомъ «Саввина»).

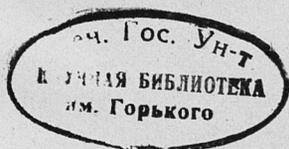
Намѣи неизвѣстно, чѣмѣи вся эта исторія кончилась; но имѣемѣи данныя, свидѣтельствующія о значительной популярности Петра I Великаго въ мѣстности сосѣдней съ г. Дубровникомѣи. Въ сербскомѣи православномѣи монастырѣ «Саввина», что близъ Ерцего-Новаго (Кастель-Ново) и «Дубровника» находится портретъ Петра I Великаго (представляющій его въ молодомѣи возрастѣи). съ подписью: «Государѣи Царѣи и великий князѣи Алєѣевичѣи Всеѣи Великий и малиѣи и вѣлиѣи Росии

¹⁾ Sic.

повелитель». Несомненно, портретъ этотъ занесенъ сюда въ эпоху славныхъ дѣлъ славянскаго преобразователя. Въ томъ же монастырѣ хранится нѣсколько богослужебныхъ книгъ, русскаго изданія, времени Петра I, и въ числѣ ихъ: «Служба благодарственная Бгѣ въ трѣци стѣи славимомъ о великой Бгѣмъ дарованной побѣдѣ на свѣйскимъ королямъ кароломъ вѣ и воинствомъ его, содѣланной подъ полтавою, въ лѣтѣ 1709. мѣсяцѣ Іюніи въ кѣзъ день». Въ ней полагавшіе надежду на Русь южные славяне пѣли, напр. слѣдующій тропарь: „Препрославленъ еси Господи Бже ншѣ, даровавый крѣпость на враги благовѣрномъ црю ншѣмъ Петру, яко же Двѣ на прегордаго голафа, осѣнилъ еси на дѣ главою его въ днѣ врани, препожсалъ еси немощнымъ силою свыше, и тѣми всю дерзость вражію низложилъ еси, многомилостиве, слава тебѣ;“ *) или, напр., слѣдующую стихиру: „Врагъ Крѣта стѣго, лжехрѣстїаннїи и бжественнїи икѣборецъ и посмѣатѣ, силою Крѣта стѣго повѣжденъ высть и порѣгѣ, и не надѣася на милѣть и помощь Всесїнаго, его же чѣ въ іконѣ повреди къ ненавистникѣ имене Хрѣтова махометанѣ и скиѣ повѣже, крѣтоносный же црѣ православный Руссїйскїи стѣи іконъ поборникъ повѣдителю пѣснь Богъ воспѣвалъ да цѣтвуетъ и торжествуетъ во вѣки **“.

Этимъ вѣрнымъ и надежнымъ путемъ утверждалась надежда угнетенныхъ южныхъ славянъ на ихъ освобожденіе отъ чужеземнаго гнета силою Великаго Русскаго Царя, съ которымъ, естественно, соединялась мысль и о новой роли славянства въ мірѣ. Дубровникъ, единственный представитель просвѣщенїя между южнымъ славянствомъ не приминулъ развивать этотъ новый вопросъ и въ литературѣ. А. Глеговичъ нашелся въ числѣ другихъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ, касавшихся этого вопроса. Его соотечественники составляли оды нашему Петру I Великому. Такъ, дубровницкїи фратеръ Степанъ Русичъ составилъ 1717 г. похваль-

*) Стр. 7.

**) На литїи стихиры, гласъ А.
Пам. древн. писъм. хпц.

3449

ную оду, подъ заглавіемъ «Petar Alechssiovich, alliti Petnes slamegna, diella i cesti Petra parvoga, Zarra, Samodarsgza Rusinskoga», которая дышетъ полнымъ уваженіемъ къ великому русскому преобразователю, какъ посланному самимъ небомъ и напередъ предсказанному священнымъ писаніемъ. Въ имени Петра Алексѣевича, въ суммѣ чисель буквъ, изъ коихъ оно слагается, онъ усматриваетъ это его таинственное значеніе, что и излагаетъ въ своемъ посвященіи Петру I. Вотъ, что, между прочимъ, онъ пишетъ въ этомъ посвященіи: «Если гдѣ, такъ именно въ твоемъ, о высокій Царь, многоуважаемомъ названіи имя соотвѣтствуетъ натурѣ (paravi), что мы вполнѣ видимъ; по греческому прекрасному и правому языку «Петръ Алексѣевичъ» значитъ, что твое Величество камень, твердая стѣна отражающая самыхъ сильныхъ противниковъ, побѣждаетъ самыхъ сильныхъ королей и служить неодолимою обороною и непобѣдимымъ щитомъ неисчислимымъ твоимъ королевствамъ и всему твоему Сѣверному Русскому Царству. Но въ то же время, это твое прекрасное имя содержитъ не менѣе чудныя знаменія въ числѣ, изъ коего оно сложено. Я изъ числоваго соединенія и соотвѣтствія постараюсь обнародовать то, что относится къ твоей крѣпости, достоинству и всей твоей прошедшей и будущей дѣятельности, стараясь такимъ образомъ показать, что примѣры твоего счастья и великая твоя слава, *которой теперь весь свѣтъ удивляется (со страхомъ) и восхваляетъ ее до небесъ*¹⁹⁾ еще въ твоемъ родѣ, въ твоемъ

¹⁹⁾ Французскій поэтъ М. Ф. А. Вольтеръ (1694—1778) написалъ исторію Петра I Великаго, въ которой по достоинству хвалитъ русскаго преобразователя. Въ журналѣ издаваемомъ Апостоломъ Зеномъ и Маффеи, Русичъ, Глеговичъ и другіе ихъ современники—соотечественники могли прочесть про Петра I слѣдующую интересную замѣтку: «In Moscà, ed in altre parti dell'Imperio Moscovitico non mai da vantaggio fiorirono le scienze e le buone arti, come in questi ultimi tempi, non tanto pel beneficio della stampa, che molto più di prima vi si è diffusa, quanto par l'attenzione, anzi per l'esempio del suo medesimo Sovrano Pietro Alessiovitz in og-

знаменитомъ имени были счастливо сохранены. Прежде всего, пусть всякому будетъ очевидно, что нѣкая особенная судьба дѣйствовала въ нарѣченіи тебѣ этого имени и что еще въ дѣтствѣ ты былъ принять славою, вскормленъ крѣпостью, увеселяемъ побѣдами и нѣжимъ добрымъ счастьемъ.

Итакъ, пусть удостоится твоего царскаго взгляда этотъ мой—не хочу сказать трудъ—приличный твоему невыразимому и сверхъестественному превосходству даръ, который я посвящаю тебѣ съ Адриатическаго моря, изъ дубровницкой области. Итакъ, допусти, чтобы между неисчислимыми похвалами, которые безпрестанно отовсюду оглашаютъ твою царскую корону, и мои пѣсни—дань твоему Величеству были слышаны тобою и милостиво приняты.

Затѣмъ, да дастъ небо тебѣ до вѣковѣчной старости постоянное увеличеніе Царства, счастья и побѣдъ, до тѣхъ поръ пока при свѣтѣ, величій и знатности твоей славы и могущества *весь свѣтъ будетъ занятъ тобою* и не въ состояніи будетъ онъ дать тебѣ полной хвалы; такъ какъ, вслѣдствіе твоего достоинства и высоты, не находится подъ солнцемъ никого, кто бы восхвалилъ тебя подобающими хвалами, ты найдешь своего прославителя въ самомъ Все-

gi regnante. Non e già, che molto tempo innanzi no n vi sia stata portata l'arte di stampare i libri e che altri de' suoi (Monarchi non abbiano procurato la cultura e la disciplina della loro Corte e del loro Imperio: ma gravi e politiche cause si opposero all' avanzamento di così retta intenzione (etc).

Si stampano in Mosca continuamente libri nella lingua del paese. Fra i libri impresi in quella lingua mettiamo in primo luogo la traduzione dei libri spettanti a i cinque ordini di Architettura di Jacopo Barozzi da Vignola, fatta nella sua lingua dallo stesso S. D. Pietro, atampata e ristampata in Mosca l'anno 1708 con 46 figure in rame. La prima edizione é in foglio; la seconda in ottavo.—L'anno medesimo e nella medesima lingua ivi pure è stato stampato in bella carta ed in buon carattere un Trattato del modo di render navigabili fiumi, il quale fu prima scritto in Italiano e stampato in Roma nel 1685, a fine di restituire a Roma la navigazione del Tevere» (Giornale de' letterati d'Italia t. IV, 1710 годъ, стр. 418—420).

вышнемъ, Который, въ награду за сокрушеніе его злодѣевъ и распространеніе правой вѣры, введетъ тебя, цвѣтъ и корону высочайшихъ королей, чудный образецъ силы, власти, разсудительности, правды и счастья, увѣнчаннаго славнымъ неувядающимъ вѣнкомъ въ небесные дворы. Поэтому сердечно молю Владыку Рая, чтобы онъ подтвердилъ мое предсказаніе. (Слѣдуетъ подпись).

Сдѣлавъ затѣмъ, обращеніе къ читателю, въ которомъ изложено таинственное значеніе имени *Петра Алексѣевича* онъ помѣщаетъ слѣдующій акростихъ, выражающій суть «оды» Петру:

Pород oda slavnih
 Pervo Vites cestiti,
 Pvarghia uspieta!
 Plannima svuda sviti,
 Pesi isglede svijeh.

P h jasna kreposti,
 P iuvenni svim isglede!
 P etto kascese tvoie diedde:
 P runnisc sadosti!
 P vesko rasuchie,
 P istocna scibika,
 P osmanovichiaa usda.
 P isc gniega moch i dika!
 P isbauglien *) ti po tebbi;
 P iuchien pod nebbi».

Составитель «оды» Петру, фратеръ Русичъ представляетъ себѣ исполненіе русскимъ народомъ, руководимымъ его Царемъ, великой задачи въ славянскомъ мірѣ и скорбитъ, что кратковременность человѣческой жизни не даетъ ему видѣть воочию выполненія этой задачи:

*) Въ рукописи стоитъ „isbauglien“.

«Rusko sunze sini, sini
 U vedrinah od Istoka;
 Dan da svanne u millini
 S' rumenilla tvoga oka.
 Alli tko chie menni datti,
 Prigisdave tej lieposti
 Da usbudem usgivati
 I ia opchiene sred radosti?
 Da unuka pricestita
 Tvoga sarza i imenna
 Vidim diella plemenita
 Od svakoga pohvagliena?
 Ah stotine dvije godina
 Scto mi danonije sgivieti?
 I iosc mallo! dragha cina
 Vidio bih sve na svieti»;
 Sve, sve, velim, vidio bih
 U pokoju duha moga:
 Er dobiti usgivo bih
 Kraglievichia Rossinskoga;
 On odreggien na stò slavni,
 Ko nam sviesde, ko sibilla,
 Ko prorozi vele davni,
 Prostretichie svoia krila.
 I u sapadu Rimsko ime
 Cim na svacje ghinne occi;
 Usletietchie prid svoime
 Na cesarstvo od Istocci;
 Ugledatchie sviet sve krunne
 Prid noghah mu sniscne stati;
 I s' slavnosti tai ispunne
 Svako miesto samnievati.
 Ovo, o Petre, da nu nechie
 Cesti sa inno dopastiti
 Tvoga unuka, negho er chie
 Tvom se slavom posetapiti,

Er stupain tvojem hode;
 Tvoi um, tvoi sviet i tva dika
 Bitchie svake sred prigode
 Gniemu sakon i scibika.
 Sato piesan ma klikuje,
 Cim dosadar gniegga glasi
 I radostno spomigniuje,
 Da scibika istocna si!

(Petar Alechs. slam. II — по ркп. францисканской библиотеки въ гор. Дубровникѣ).

И далѣе;

«O visoki slavni Zarre!
 Podlosgnieh tebbi u broiu,
 Etto, i ia grem sadare
 Poklonit ti gliubav moiu».
 (ib. sl. 15).

Свою увѣренность, что выполнение этой задачи наступитъ, онъ основываетъ на стойкости русскаго народа:

«Russku stavnos da slavite,
 Stavnos, koia vik ne venne»!
 (ib. slam. 3).
 (Ciem) ne samo Petar slavni,
 Negh Petrovo imme u vike
 Slomitichie pukis davnii
 I sve satart protivnike.
 (ibid.).

Другой современникъ А. Глегевича *Игнатій Градичъ* (раньше Русича) составилъ 1710 г. похвальную оду Петру I Великому «Plam Sieverski», по случаю его побѣды подъ Полтавою.

Изъ предпосланнаго «одѣ» обращенія къ своему соотечественнику Саввѣ Владиславичу, состоявшему на службѣ у Петра I видно, что русскій преобразователь не отказывался пользоваться дружбою Дубровника. Вотъ, что онъ, между прочимъ, писалъ: «Въ современное намъ время и въ Дубровникъ—мой родной городъ прилетѣлъ изъ Сѣвера радостный голосъ о славныхъ дѣлахъ Московскаго царя; я тотчасъ (послѣ полученія этой вѣсти) рѣшился, по мѣрѣ своихъ силъ, огласить въ пѣсни дѣла такого Величества всякой славянской державѣ. Выполнивъ это, какъ только я зналъ лучше, я не остаюсь довольнымъ, при мысли, что эта моя пѣснь никогда не достигнетъ надлежащаго склада, если премилостивое око этого Величества не взглянетъ на него. Но мое желаніе, чтобы она удостоилась такой милости. Я не былъ въ Дубровникѣ *), когда мое особенное и великое счастье привело тебя, (Пресвѣтлый и Превысокій Господарь (т. е. Владиславичъ), въ этотъ городъ. Прежде твоего прибытія изъ Москвы въ мою родину, я никогда тебя не видѣлъ; тѣмъ не менѣе полагаясь на твою доброту и твое значеніе (что господинъ лахъ Бучичъ, мой пріятель—словно братъ, господинъ Францискъ Градичъ, мой родной братъ и господинъ Иванъ Тудишевичъ, мой внукъ (по сестрѣ) часто говорили со мною о тебѣ съ великимъ уваженіемъ и съ великими похвалами, представляя мнѣ твою собственную крѣпость, природное совершенство, ради которыхъ Величество Московскаго царя украсило тебя особенными благородными почестями), я обращаюсь къ тебѣ съ просьбою приподнести Величеству Московскаго Царя Петра I мою пѣснь».

Этого своего любимца (Московскаго Царя Петра I) онъ ставитъ выше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ его время царей; онъ восхваляетъ его между прочимъ, такъ:

*) Въ подлинникѣ это мѣсто темно изложено; буквальный переводъ его «я не нашель пути».

«On krepostim desne svoje
Sve Moskovske vedre Zarre
Nadaleko priteko ie
Rimske i slavne sve Cessare.
Gliudska mudros, dake, niedna
I besieda snanne glave
Sadovoglit niie vriedna
Dostoianstvu take slave,
Slave, koia u svietlosti
Sve cetiri strane svieta
Slicna raiskoj cestitosti
Na sunciannom kollu oblieta,
Trubgliom tere plemenitom
Svuda, scto me sarze sgeli;
A s' pohvallom pricestitom
Bes pristanka glasi i veli:
«Sgivi slavni zarre u vieke,
Sgivi, neka rastu vechie
Tve kriposti privelike
I cestite tvoie srechie!
Nestorova sgivi litta,
Svegh dobitnik, nigda u vaiu,
Cini diella tva cestita,
Da dotusce tnrskom smaiu;
Neviernike pali i siezi,
Koi marse pravu istinu;
Cin, da svoje karvi u riezi
Sadusce se i poghinu.
Sgivi i cini, hoggia kleti
Da s' munara, vech, nevika,
Da se oborre sui mecetti
Karstianskoga protivnika!
Pravoviernu cias obrani
I gniu is robstva oslobodi,
Nek se vechma rasprostranni
I krepostim tvom rasplodi!

Sgivi srechian, cestit, slavan,
 O Moskovski vedri zarre!
 Bog ie udielit tebbi spravan
 Viekuviecne ciasti i dare!
 Nek na svietu i u raju
 Slavno budesc stollovati,
 I blasgeni ko sivaju,
 Sc gnima pored budesc siatti».

(ркп. франц. дубров. библ.).

А нѣсколько выше (въ той же одѣ) онъ о Петрѣ I выражается такимъ образомъ:

«Er Moskovska mudra slava
 Sviem se umie hitro oprieti,
 I Petrova zarska glava
 Svakoi silli odoglieti»¹⁾.

(ibid.),

Двѣ вышеупомянутыя оды Петру I современниковъ А. Гле-тевича служатъ подтвержденіемъ, что и онъ составилъ свой «Побѣдный Голосъ», подъ вліяніемъ распространившейся между южными славянами надежды на улучшеніе положенія славянскаго народа. Сверхъ того, онъ какъ добрый гражданинъ, заботящійся о славѣ своего роднаго города, не упустилъ изъ виду сдѣлать напоминаніе, что его соотечественники, пользующіяся свободнымъ положеніемъ, должны оказать свое участіе въ этомъ улучшеніи положенія Славянъ. Указавъ на добрыя качества славянскаго племени:

¹⁾ Чрезвычайно рѣзкій контрастъ этимъ строкамъ представляютъ строки, касающіяся Поляковъ:

(er) Pogliacke
 Sve darsgiave stahu u smechi,
 Ni desnize bi iunacke
 Vriedne opriet se toj nesrechi».

(Plam. Sjev. (ib.)),

когда говоритъ о возведеніи Шведскимъ королемъ Карломъ XII на пол-престоль Станислава, вмѣсто Августа.

ПАМ. ДРЕВН. ПИСЬМ. XII.

«Mi ¹⁾ smo druscba plemenita,
 Plod slovinske ljepe strane,
 Priko svega slavni svita
 Kros kriposti nasce isbrane.
 Nam su od slave usrok bile
 Bistra pamet, boina ruka,
 Vedra pomoch, srechie mile,
 Vriedno sarze, krepka odluka;
 A nad sve ino glas neumarli,
 Ki ciovieka vriedna cini,
 Da s' hrabrenom misli harli,
 Gdi nije stana nochnoj tmuni.
 Kros iunacko boino arvagne
 Mi sliedismo krepos pravu,
 A kreposno dielovagne.
 Nami donie viechu slavu. etc.
 Er se krepos nasca ukasa
 U orusciu od sviéh iaccia,
 Nechaiuch se od porasa
 Osctrieh sabagl silnieh macia;
 Niedne od sile, niedne od vlasti
 Neimasmó viku straha,
 Ni nas mosce vik pripasti
 Tascta srechia, ni start plaha etc.
 Mij sa istinu slavu stiechi,
 Nesctediesmo nasce karvi;
 Krepzi u boiu, snani u srechi,
 Na sve trude vasda parvi;
 Tim se pravo dice i resi
 Nam slovinska semglia rodna;
 Ka bi s' nami pod nebesi
 Slavna, mirna i slobodna,

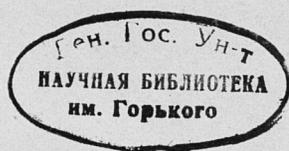
¹⁾ Т. е. Славяне.

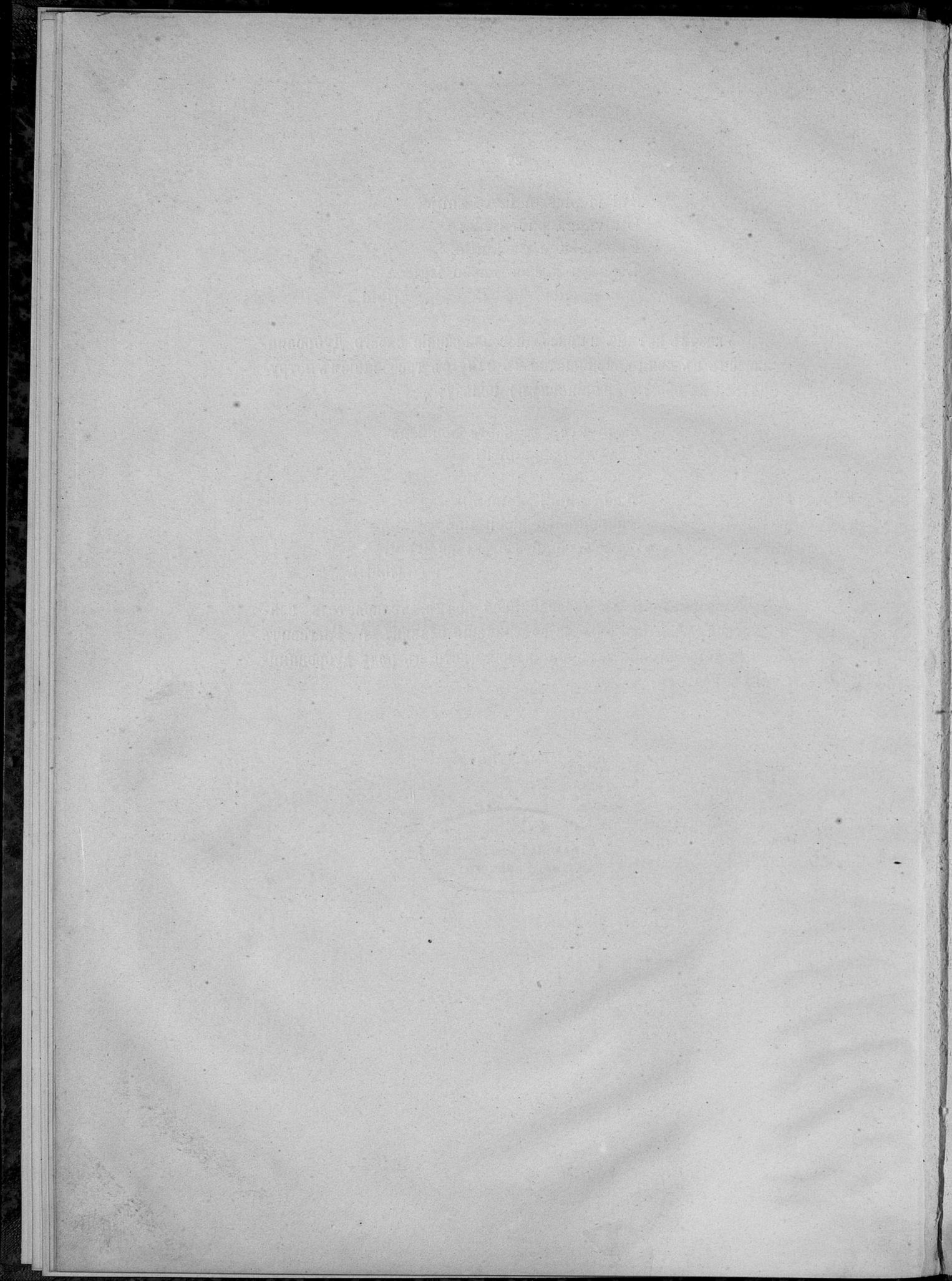
Sad ie plesciu lavi i smije,
 Otrovnoga puni ijeda;
 I ciovieka u gnoi nije,
 Da se u krepos nascu isgleda
 (ibid.).

Указавъ затѣмъ на свободное положеніе своего Дубровника, онъ въ концѣ обращается къ нему съ требованіемъ потрудиться на общую (славянскую) пользу:

Ziech kreposti dobra obchiena
 I sa viku ne umriti,
 Voina diela i hrabrena
 Sliede gliudi plemeniti;
 Nu neumarlo dobit ime
 Cioviek ne mosce, ki ne trudi.
 (ibid.).

Реформаторъ въ дубровницкой драмѣ, толкователь славянской идеи въ смыслѣ объединенія славянъ, А. Глеговичъ не можетъ не занять самое видное мѣсто въ ряду дубровницкихъ поэтовъ.

[1r].

